

В. М. Чекмарёв

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ, АРХИТЕКТУРНАЯ И САДОВО-ПАРКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧАРЛЗА ГАСКОЙНА В РОССИИ (1786–1799 ГГ.)*

Чарльз Гаскойн (1738–1806) был приглашен на русскую службу Екатериной II в 1786 г. при содействии адмирала С. Грейга. Именно в России Гаскойн приобретает известность как выдающийся инженер-изобретатель, крупный предприниматель и создатель новейших, по образцу британских, производств, а заодно и как незаурядный архитектор и градостроитель. В статье рассматриваются разнообразные аспекты его деятельности в Петрозаводске, Луганске и на берегах Финского залива у Петергофской дороги. Помимо сформированных во второй половине 1780-х — 1790-х гг. производственных комплексов Гаскойн создавал здесь собственные усадебные ансамбли.

Ключевые слова: русская архитектура, российское садово-парковое искусство, Чарльз Гаскойн, производственные комплексы, Петрозаводск, Кончозеро, Луганск, британская художественная культура конца XVIII в.

V. M. Chekmarev

URBAN PLANNING, ARCHITECTURAL AND LANDSCAPE GARDENING ACTIVITIES OF CHARLES GASCOIGNE IN RUSSIA (1786–1799)

Charles Gascoigne (1738–1806) was invited to the Russian service by Catherine II in 1786 with the assistance of Admiral S. Greig. It was in Russia that Gascoigne would gain fame as an outstanding engineer-inventor, a major entrepreneur and creator of new manufactures, based on British examples, and, at the same time, as an outstanding architect and city builder. The article examines various aspects of his activities in Petrozavodsk, Lugansk, and on the shores of the Gulf of Finland near the Peterhof Road. The following study allows us to expand significantly our knowledge about a kind of branch in the domestic form-creation, that existed at the end of the 18th century and was one way or another connected with the British architectural practice of those years.

Keywords: Russian architecture, Russian gardening, Charles Gascoigne, industrial complexes, Petrozavodsk, Konchozero, Lugansk, British culture of the late 18th century

Объектом исследования в данной статье является выявление многоаспектного архитектурного наследия Ч. Гаскойна в России в рамках происходившего в конце XVIII столетия формирования им новейших производственных комплексов, а заодно и обустройства собственных усадеб. Актуальность исследования определена отсутствием в специаль-

ной отечественной и зарубежной литературе работ на заявленную тему. Вместе с тем следует подчеркнуть, что авторы статей и монографий привлекали некоторые архивные источники, но рассматривали их в контексте совершенно иной проблематики, связанной со становлением и развитием отечественного чугунолитейного производства. Собственно, поэтому имеющаяся историография ограничивается выявлением вполне конкретного вклада Гаскойна в данный технологический процесс

* Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2021 год, тема 1.1.2.3.

и некоторых особенностей его российской жизни, однако к заявленной тематике она имеет весьма опосредованное отношение.

Целиком основываясь на архивных и библиографических источниках, мы остановимся на российских памятниках, само появление которых напрямую связано с разносторонней деятельностью Гаскойна. При этом на первый план по своей значимости выдвигаются именно производственные предприятия, которые создавались им на основе внедрения в России новейших технологических процессов, так или иначе отвечавших специфике индустриально развитой Британии. Как раз их вполне конкретные архитектурные особенности и представляли главный интерес для автора статьи.

Сорокасемилетний шотландец Чарльз Гаскойн (Charles Gascoigne, 1738–1806), один из первых акционеров и ведущих сотрудников устроенного поблизости от Эдинбурга Кэрронского металлургического завода, оказал существенное влияние на создание новейших производственных комплексов в России. В 1786 г. он был приглашен на русскую службу Екатериной II при содействии адмирала С. Грейга, лично ознакомившегося с этим предприятием еще во время своего отпуска в 1777 г. (*Ушакова* 1999: 107–110). Именно в России Гаскойн обрел наибольшую известность как выдающийся инженер-изобретатель, крупный предприниматель и организатор новейших производств, а заодно и как незаурядный архитектор и градостроитель. Спустя три месяца, в сентябре 1786 г., он оказался в Петрозаводске, где сразу же осмотрел Александровский пушечно-литейный завод, выстроенным совсем недавно (1773–1774 гг.) по проекту А. С. Ярцова, но уже не удовлетворявший новейшим технологическим требованиям (*Бутенев* 1843: № 13).

В конце февраля 1787 г. Грейг проинформирует графа А. А. Безбородко, что по приглашению Гаскойна недавно побывал в Петрозаводске, теперь же он желает заручиться его поддержкой и избежать дорогостоящей реконструкции решительно всех существующих заводских строений: «Тщательнейшим образом изучив ситуацию, мы с месье Гаскойном сошлись на том, что временный мелкий ремонт не даст возможности продолжить отливку пушек, но потребует постоянных расходов, при том что количество отлитых пушек не будет достаточным для их покрытия; мы склонны полагать, что для короны было бы значительно выгоднее построить все заново» (*РГАДА* 1787). Гаскойну предстояло создать, по сути, — выстроить заново, крупнейший в Европе производственный комплекс, учитывавший размещение новейшего оборудования в соответствии с последними техническими усовершенствованиями.

Учитывая весьма значительный объем проектных работ, Гаскойн, предложивший цельную планировочную и объемно-пространственную композицию предприятия, решает создать проектную группу из трех проектировщиков. Помимо себя самого, он зачислит в нее архангельского архитектора Михаила Березина и тверского механика Федора Крамера (*Ицксон* 2003: 14). Активное строительство этого комплекса (полностью утраченного к настоящему времени) на несколько пониженном, но предельно выровненном участке продолжится два с половиной года, с осени 1786 по 1789 г., однако окончательно завершится только десятилетие спустя, в 1796 г. В результате вслед за проведением обширных земляных работ здесь будут выстроены из кирпича с широким использованием белого камня стандартные группы из производственных корпусов. Разработанный самим Гаскойном

генплан производственного комплекса подтверждает, что общий замысел основывался на близкой к симметрии, весьма логичной планировочной схеме, учитывавшей сочетание самых различных производственных процессов и непрерывную доставку, причем в огромных количествах, всевозможных исходных материалов. С 1788 г. здесь даже начнет функционировать «чугунный колесо-провод» — фактически первая отечественная железная дорога, «по которой рабочие на ручных тележках перевозили по рельсам пушки с места отливки до сверлильного цеха» (Пашков 2006: 139).

Разновеликие производственные корпуса периметрально охватывали обширный прямоугольный двор (Архив кон. XVIII) Причем главную композиционную ось фиксировали два самых крупных объема. Южный и северный фронты застройки включали в себя проездные ворота, что позволяло объединить дворовое пространство с двумя специально проложенными новыми трассами, обеспечивавшими незамедлительный подвоз сырья и последующий вывоз готовой продукции. Впрочем, исходное проектное решение Гаскойна было им же и откорректировано, о чем наглядно свидетельствует датированный уже второй третью XIX в. план первого этажа с фиксацией планировочной структуры производственных корпусов и даже позднейших пристроек (Памятная книжка 1866 (1): ил.) Как демонстрирует датированное 1803 г. гравюрное изображение, общая объемно-пространственная композиция комплекса учитывала структурное взаимодействие одноэтажных и двухэтажных корпусов под двускатными и четырехскатными кровлями. Причем предельно простое композиционное решение фасада каждого из них осно-

вывалось исключительно на симметричной схеме (Герман 1836: ил.).

Помещая свое крупное производственное заведение практически в центр еще сравнительно небольшого в то время промышленного городка, Гаскойн предстает перед нами и в качестве эрудированного специалиста, знакомого с новейшей градостроительной практикой. Неслучайно четырехсторонний уличный фронт этой индустриальной застройки новейшего образца как композиционно, так и сомасштабно был вполне адаптирован к уже существующей мелкомасштабной городской застройке. Тем более, что вслед за Гаскойном в Петрозаводск прибудет более десятка специалистов горного и заводского дела, а несколько позднее еще одна группа из 23-х «английских художников» (Волохова 2005: 110–119). Основной ее состав был представлен его же соотечественниками. Собственно, для их комфортного размещения и была отведена целая улица, сразу получившая название «Английской», соединявшая вновь построенный производственный комплекс с Круглой площадью (Карма 2007: 34). Как раз вдоль нее были полностью реконструированы и заново отделаны «штукатурной работой» деревянные жилые строения, украшенные на «аглицкий манер» цветниками. В данном случае Гаскойн руководствовался спроектированными А.С. Ярцовым в 1782 г. генпланом Круглой площади и высочайше утвержденным всего лишь годом ранее, в 1785 г., «Планом города Петрозаводска» Ивана Лема.

При той же ул. Английской, в значительной мере все еще сохраняющей свою застройку, несомненно, по собственному проекту Гаскойн сформирует и собственную усадьбу в стиле классицизма. В частности, для строительства по красной линии главного дома он

воспользуется фундаментами двух снежных деревянных строений. Свой же новый на высоком цоколе двухэтажный деревянный объем со стороны улицы он дополнит двумя идентичными одноэтажными флигелями, что обусловит создание классической трехчастной композиции, весьма характерной как для английского, так и для русского зодчества той поры. Структурная основа первоначальной его планировки была определена расположением парадной анфилады комнат вдоль уличного фасада. Среди них выделялись своими габаритами два центральных помещения, закрепивших поперечную ось здания. Так, сориентированный тремя высокими оконными проемами в пространство парка Зал (85 кв. м) был совмещен с освещаемой пятью оконными проемами главного фасада Гостиной (72 кв. м). Для отопления одной из комнат шотландец использует столь привычный для его родины камин, до сих сохраняющий свою оригинальную классицистическую отделку. Уличный фасад этого главного дома акцентирован центральным плоским пятиосевым ризалитом и завершен треугольным фронтоном с полуциркульным оконным проемом.

Изначально это весьма обширное владение Гаскойна упиралось в массив соснового леса, а потому и композиция дворового фасада, включавшая в себя двухсветный эркер, учитывала ориентацию на усадебный парк, органично совмещавший в себе регулярные и пейзажные части. Так, в непосредственной близости от дома, как подтверждает натурное обследование, размещался обширный парк, композицию которого, видимо, также следует приписать творчеству самого владельца. В частности, в существующем ныне Губернаторском парке, расположенном в центре Петрозаводска, все еще

заметны следы небольшого асимметричного пруда.

В находящийся в сорока верстах от Петрозаводска остановленный Кончезерский чугунный завод Гаскойн прибудет в 1786 г. также с целью радикальной его реконструкции — для налаживания новейшего производства выплавки чугуна все по той же «карронской методе». Примечательна в данной связи заметка из «Поденной записки» от 19 июля 1785 г. тогдашнего «правителя олонецкого наместничества» Г.Р. Державина (1743–1816): «Кончезерские железные заводы имеют также приятное положение; с одной стороны окружены озером Конч, с другой — рекой Перт, текущей из озера Перт наволока. Уже 4 года как они не действуют, и все орудия ветхи и требуют многого поправления, также и плотина для действия целого завода должна была более ныне при оном находящейся» (*ОР РНБ* 1785: 181–182). По проекту Гаскойна перестройку всего этого предприятия произведут в последующие два года, и в конце 1788 г. оно уже начнет выпускать готовую продукцию (чушки для пушек) для последующей ее отправки в Петрозаводск (*Герман* 1803: 3, 11).

Однако пять лет спустя, в 1793 г., заводские корпуса существенно пострадали от пожара. В результате Гаскойн был вынужден заново спроектировать и снова вводить в строй новые каменные корпуса с размещением в них двух плавильных домен (*Кросс* 2005: 269–270). Их разместили в 1794 г. параллельно и в непосредственной близости друг от друга все на той же возвышавшейся над местностью заводской территории живописного перешейка шириной в 50 м, отделявшего Кончезеро от Пертозера. Здесь же помещалась и прежде устроенная заводская плотина, которая позволяла надежно удерживать воду в озере Перт на

8 м выше уровня Кончезера. Соответственно, целый ряд технологических процессов был связан с механизмами, приводившимися в действие водой, поступавшей под напором с водобойных колес.

Как следует из сохранившихся чертежей начала и середины XIX в., оба первоначальных трехэтажных каменных заводских корпуса на уровне первого этажа включали в себя по два обширных производственных помещения, объединявшихся посредством широких арочных проемов (*Памятная книжка 1866* (2): ил.) Из них одно отшло под размещение плавильной печи, которая своей вытяжной трубой несколько возвышалась над кровлей. А на уровне второго и третьего этажей одного из них находились сопутствующие производству хозяйственные и служебные помещения. Классицистическая в своей основе, довольно простая и вместе с тем монументально трактованная фасадная композиция обоих объемов основывалась на симметричной схеме с использованием массивных междуэтажных карнизов и разновеликих оконных проемов прямоугольной, полуциркульной и циркульной форм. Сугубо живописную трактовку их наружным стенам придавало искусное сочетание колотого природного камня сероватых тонов с красным кирпичом, что позволяло акцентировать несколько грузные по форме декоративные элементы (обрамление оконных и дверных проемов, рустованные угловые части).

Также по проекту Гаскойна и с привлечением в очередной раз архитектора М. Н. Ветошникова для исполнения более детальных строительных чертежей в Кронштадте (на Южной стороне бассейна) выстрают совсем небольшой объем Литейного завода: «строением начат по Высочайшему Указу от 14 мая 1789, и действие воспринял в 1790 году;

онный завод считается отделением Александровского» (*Герман 1803*: 1, 3). Просуществовавший вплоть до 1801 г., он представлял собой каменный объем с размещением всего лишь двух плавильных печей, предназначавшихся для переплавки старых пушек, ядер и корабельных якорей, а также прочего металлического хлама, накопившегося на о. Котлин за многие годы (*Кросс 2005*: 274). На заводе, где трудились специально выпущенные из Петрозаводска десять англичан — «художников» литья — и сто девяносто русских-крепостных, выпускались дробь, гранаты (гренады), пушечные ядра и зажигательные снаряды — брандскугели. Ввиду сильно осложнившихся в 1801 г. отношений с Англией и высокой вероятности приближения ее военного флота непосредственно к кронштадтским берегам, Гаскойн предложил, с одобрения Павла I, перевести завод на территорию подаренной ему Екатериной II собственной усадьбы, располагавшейся у побережья Финского залива на Петергофской дороге по обоим берегам р. Емельяновки — всего в семи верстах от центра столицы (*Темник 2004*: 34). Теперь это наглухо огороженное владение (фактически составившее первооснову Путиловского завода) с выстроенными по его же проекту производственным корпусом с неизменными дымовыми трубами соседствовало с усадебными комплексами петербургской знати — Трубецких, Шереметевых и Строгановых. Как уточняется, «завод был невелик. Его единственная плавильная печь была рассчитана на отливку до 30 тысяч пудов чугуна в год» (*Мительман 1941*: 5).

Самое непосредственное участие Гаскойна прослеживается в проектировании и устройстве столичного Банковского монетного двора, временно располагавшегося в 1799–1805 гг. при

Ассигнационному банку на Садовой улице. «Алексей Оленин, которому поначалу было поручено это дело, привлек к работам Гаскойна, приходившегося ему дальним родственником. Последний составил общие планы и чертежи машин и по высочайшему указу с 13 февраля 1799 г. по январь 1801 г. возглавлял это производство» (Буриин 2001: 39–44). В конце 1796 г. состоялась встреча Оленина с Гаскойном. Он и познакомил его с возникшей идеей создания взамен старого принципиально нового здания монетного двора. В своем письме от 5 января 1797 г. Оленин предлагал Гаскойну уже письменно изложить все свои предложения на этот счет (ОР РНБ 1797: 41–42). Однако будучи вызванным главным директором Ассигнационного банка А. Б. Куракиным 8 апреля в Москву, Оленин был проинформирован о том, что князь уже обсудил с Гаскойном этот вопрос, и тот даже подготовил сметы и разработал план размещения в монетном дворе новейшего английского оборудования. Срочно отправляясь в Луганск, Гаскойн вместе с тем «обещал прислать специалиста, чтобы к 6 ноября 1797 г. установить машины в Ассигнационном банке» (Шишанова 2004: 221–228).

В отправленной Павлу I записке «О заведении монетного двора при Государственном Ассигнационном банке» Куракин еще раз подтвердит наличие разработанного Гаскойном проекта: «Вследствие высочайшего соизволения Вашего Императорского Величества о преобразовании ассигнаций в настоящие ходячие деньги потребно дать скорое течение монетному делу, но медлительное действие и неисправность машин нынешнего Санкт-Петербургского и вообще всех монетных дворов воспрещает таковому намерению, почему, до правления оных по Болтонову предписанию, на что потребно не малое время, статский совет-

ник Гаскойн представил мне способ построить монетный двор при банковом доме почти на тех же правилах как и в Англии с весьма малым иждивением времени и денег» (РГИА 1797). Совместно с запиской эти проектные чертежи Гаскойна были доставлены на рассмотрение императору, который распорядился принять их к реализации в соответствии с изданным им же указом от 25 апреля 1797 г. (ПСЗ 1848: № 17932). Впрочем, несколько позднее в свой же исходный замысел Гаскойн был вынужден внести целый ряд изменений. В письме к вновь назначенному директору Ассигнационного банка графу П. В. Завадовскому он следующим образом прояснял необходимость корректировки первоначального проекта: «Я получил от его императорского величества повеление представить план и смету на издержки монетного двора, что было опробовано и сумма ассигнована, вследствие сих приказаний прислал сюда моих мастеровых, и в работе столь уже преуспел, что в прошлом ноябре месяце в состоянии был я бить монету ручною машиною, а в феврале месяце привели малую паровую машину в действие, но лишь только увидели сии скорые успехи, то управление оногo дела нечувствено у меня отняли, планы мои переделали, а работу продолжали производить моими мастеровыми» (ОР РНБ 1798: 35–36 об.). В конце концов российская сторона предпочла реализовать проектное решение уроженца южной Швейцарии архитектора Антонио Порте. При этом английской стороной, уже на этапе размещения прибывавшего из Англии оборудования и мастеров-наладчиков, в объемно-пространственную структуру здания все же были внесены незначительные изменения.

Напрямую с Гаскойном, по всей видимости, следует связывать и эпизод проектной деятельности 1790-х гг.

английского архитектора У. Холлинза (William Hollins, 1763–1843), который «отклонил предложение поступить на службу Екатерине II, но исполнил планы для Императорского Монетного двора в Петербурге» (Colvin 1978: 427).

Помимо сформированных во второй половине 1780-х — 1790-е гг. собственных усадебных комплексов в Петрозаводске, Луганске и на берегах Финского залива у Петергофской дороги, Гаскойн располагал еще одним, устроенным, вероятно, также по собственному проекту уже в самом Петербурге. В 1795 г. за особые заслуги в развитии отечественной металлургии Екатерина II наградила его чином статского советника, орденом Св. Владимира III степени и участком земли в 4-й Адмиралтейской части, где со времен еще царицы Анны Иоанновны чиновникам Морского ведомства предписывалось селиться (*Мануф. и горн. изв.* 1843: 55). Он находился в западной части сравнительно небольшого треугольного в плане квартала, ограниченного ул. Екатерингофской, Екатерининским и Никольским каналами. В последнее десятилетие своей жизни Гаскойн проживал преимущественно в столице, а потому мог лично участвовать в процессе комплексного обустройства своего владения, несмотря на невероятные траты молодой супруги-англичанки (*Буринм* 2001: 43). Датированный 1798 г. генплан этой части города подтверждает и наличие несколько вытянутого усадебного двора, и вполне сложившейся каменной застройки (*ЦГИА СПб.* 1798: 27). Так, в рамках соподчиненной классицистической композиции красную линию улицы фиксировали главный трехэтажный дом и двухэтажные парные флигеля с выделенными центральными ризалитами. Соответственно, разновеликие по своей протяженности флигеля своими торцами поддерживали фронт за-

стройки Екатерининского канала. Благоустроенная дворовая территория, видимо, уже включала в себя сад. Помеченное 11 июля 1799 г. письмо Гаскойна к А. А. Беклешову подтверждает, что к этому времени в главном доме отделка интерьеров также была завершена: «По приезде своим с Луганского завода весьма удивился. Что число служащих в доме моем умножено и все устроено в самом пышном вкусе...» (*РГИА* 1799).

Перед самым приобретением этой усадьбы Александром I специально для нужд Морского ведомства главный архитектор адмиралтейства А. Захаров 4 июня 1808 г. всесторонне обследовал и подтвердил ее пригодность для размещения Морской типографии. В частности, он указывал, что вполне добротная застройка владения включает в себя трехэтажный главный корпус, два двухэтажных флигеля и одноэтажный сарай, а в саду же, раскрытом «на канал к Николаевской церкви», находятся еще и «каменные оранжереи» (*РГАВМФ* 1808). Да и авторитетный исследователь истории Морского ведомства С. Ф. Огородников подтверждает наличие нескольких элементов застройки, фруктового сада и подчеркнуто щедрой интерьерной отделки основного объема: «...дом, строенный на барскую ногу, был каменный, двухэтажный с пятнадцати окнами по фасаду, с мезонином и двумя боковыми флигелями. Круглые колонны с чугунными базами придавали главному среднему корпусу изящный вид, а чугунная парадная лестница с такими же перилами и поручнями красного дерева вела во внутренние апартаменты. При доме находился фруктовый сад и оранжереи, поступившие тогда же в распоряжение морского министра. Во дворе были два каменные же двухэтажные флигеля» (*Огородников* 1899: 18–19). Занимаясь обустройством своих усадеб, Гаскойн

мог привлекать самые популярные у себя на родине архитектурные альбомы, где в гравированном виде были представлены как многочисленные фасады и планы жилых и хозяйственных строений, так и всевозможные образцы самых модных интерьерных отделок. В данной связи следует прежде всего назвать лондонские издания Колена Кэмпбелла, Роберта и Джеймса Адамов, которые по целому ряду проектных решений вполне соответствовали стилистике русского классицизма екатерининской эпохи (*Campbell* 1715). При этом не следует исключать и участие Чарлза Камерона, с семьей которого Гаскойн поддерживал дружеские отношения. Так, в письме от 31 мая 1804 г. российскому посланнику С. Р. Воронцову в Лондон лейб-медик Екатерины II шотландец Д. Рожерсон сообщал: «Мадам Чичагова провела неделю в Ораниенбауме с мадам Камерон, и последнюю неделю она находилась у Гаскойнов в Колпино» (*Архив Воронцова* 1884: 222).

Очередной отвечающий нуждам российской армии и флота чугунный завод Гаскойн создаст уже на юге, у села Каменный Брод в нынешнем районе Луганска, вслед за тем, как «при речке Лугани» самолично отыщет наиболее подходящее для плавки сырье: «найденные прииски железной руды и каменного угля по освидетельствованию обещают богатейшее количество сих минералов в наилучшем качестве» (*Темник* 2004: 80). Составленный им же проект с развернутой пояснительной запиской был немедленно представлен генерал-губернатору П. А. Зубову, который отправил всю эту исходную документацию на личное усмотрение императрицы. В датированном 14 ноября 1795 г. указе она, в частности, предписывала незамедлительную реализацию следующих мероприятий: «(...) ПЕРВОЕ. По точном опре-

делении статского советника Гаскойна при речке Лугани места, где и наиудобнее построить оный завод и все здания, к нему принадлежащие, и по измерении и верном исчислении падения воды той речки, когда для свободного течения оной нужно будет уничтожить означенные в донесении Вашем четыре мельницы помещиков, дабы они не понесли через то убытков, склонить их продать в казну: из селений, где оные мельницы находятся, до трехсот душ по способности к заводу употребить; а дабы селения от уничтожения вышеупомянутых мельниц не могли потерпеть в хозяйстве своем нужды, должно будет при самом заводе построить одну такую же мельницу, чтоб оная доставляла количество муки противу четырех уничтоженных. (...) ТРЕТЬЕ. (...) поручить статскому советнику Гаскойну вызвать из Англии несколько сведущих в сем деле мастеров, которые бы под главным его надзиранием находились на местах работы и оными управляли, доколе собственные мастера к тому приобвыкнут. (...) ШЕСТОЕ. Предположение Ваше, чтобы иметь при заводе 200 пар волов с повозками для перевозки всех материалов для завода и вместо повозчиков употребить на первый случай 200 человек из артиллерийских погонщиков, весьма много служит к облегчению близживущих поселян, но дабы снабдить оный завод навсегда нужным числом людей для исправления в нем всех приписанных работ, находим мы пристойною мысль Вашу, чтобы закупить в казну и обратить на поселение близ оного завода часть крестьян в Тульской, Курской, а также в других губерниях состоящих, с тем чтоб покупка производима была с добровольного согласия настоящих их владельцев, употребляя на это деньги из общих государственных доходов; из оных крестьян до 200 душ приписав и поселив близ завода,

содержать их на том основании, как в до-несении Вашем изъяснено. СЕДЬМОЕ. В рассуждении великого числа потребных для построения пушечного завода, устройства канала, плотин и других поделок рабочих людей, повелеваем Вам истребовать один пехотный полк из тех, кои при строении южных крепостей находятся, производя за работу каждому человеку в день по 10 копеек, частью же заимствовать и отыскивать работников и вольнонаемных за добровольную плату (...)» (ПСЗ 1849: 815).

Следует особо подчеркнуть, что в первые годы возведения завода Гаскойн лично курировал строительные работы, проживая здесь безвыездно с весны вплоть до окончания летнего сезона в быстро сформированной собственной усадьбе (Темник 2004: 61). Так, вслед за подписанием высочайшего указа именно Гаскойн распорядится отправить на место предстоящей стройки — «земли из дачи казенного села Вергунка» (4500 десятин) — английско-го мастера Т. Ропера (Thomas Roper), который и возглавил ранней весной 1796 г. «пехотную роту», осуществлявшую земляные работы с закладкой фундамента под заводской корпус на правом берегу р. Лугани в 15 верстах от ее устья (Горный журнал 1855: 82). Впрочем, еще до этого ему предстояло определиться с наличием в ближайших окрестностях всех необходимых на этот счет строительных материалов. В результате из Бахмута доставлялся алебастр, близ самого Каменного Брода разрабатывался белый камень и песок для плотин, Старый Айдар и Трехизбенка поставляли дуб, а село Белое — дикий камень, мел и известь. Наконец, близ деревни Егорьевка осуществлялась доставка дикого камня. Соответственно, для изготовления огнеупорного и строительного кирпича были незамедлительно

созданы два вспомогательных производства. В качестве подручного архитектора Гаскойн назначил англичанина Василия Норманна (Basil Norman), который помимо закладки фундамента осуществлял еще и надзор за всеми строительными работами вплоть до их полного завершения. Возглавлять же Чертежную он доверил Р. Робертсону, в ней также числился и А. Петерсон. Целый ряд также специально выписанных из Англии специалистов был занят и при самом строительстве. Так, «мастером стального дела» числился Я. Гогард, «мастером каменного дела» — А. Шан, «кузнечным и слесарным мастером» — И. Клиштет, «мастером обтески дикого камня» — Е. Хайсон, а «смотрителем лесов» — А. Линц. В штат работников был даже зачислен английский «садовник» П. Низбет (Темник 2004: 44).

Сохранившийся чертёж, зафиксировавший планировку и один из фасадов основного производственного корпуса, позволяет в общих чертах судить о его первоначальном архитектурном облике (РГИА нач. XIX). Так, симметричная композиция главного фасада основывалась на трехчастной схеме с выделением центрального ризалита, отмеченного единственным дверным проемом и треугольным завершением. Циркульной формы оконные проемы декорированы своеобразными рустованными наличниками и оконными досками. Рустом были акцентированы и угловые части ризалита, а также круглый в плане его верхний оконный проем. Одноэтажное кирпичное здание имело Т-образный план, его интерьер обладал просторным характером. Это и позволило расположить здесь все элементы довольно крупных и подчеркнуто грузных технологических устройств, включая и сами плавильные печи с их сильно возвышавшимися над кровлями трубами. Решительно все

производственные помещения были хорошо освещены за счет высоких оконных проемов, максимально сокращавших поверхность наружных капитальных стен.

С весьма оригинальным градостроительным замыслом Гаскойна связана и реализованная планировочная организация всей изначально высочайше закреплённой весьма обширной территории для продуманного во всех деталях формирования подчеркнуто крупного многофункционального производственного комплекса. Само сложение во второй половине 1790-х гг. достаточно развитой его композиционной структуры наглядно иллюстрирует генплан Каменного Брода, составленный на рубеже XVIII–XIX вв. Как уточняется Е. Черкасовой, именно будущая «центральная часть города, примыкавшая к промышленной зоне, расположенной в пойме реки Лугань, отличалась упорядоченностью и была благоустроена» (Черкасова 2014: 145–146). Тесно связанные с технологическим процессом и осуществлявшиеся также по проекту Гаскойна необычайно обширные земляные работы учитывали прежде всего создание целого ряда укрупнённых гидротехнических сооружений: разновеликих плотин, протяжённого канала, пруда, высокого земляного вала и даже огромного резервуара для стока и удержания весенних вод (Темник 2004: 87, 88). Главный же производственный корпус (под № 1) располагался при старинной дороге на довольно значительном расстоянии к востоку от Запасного пруда. В удалении к северо-западу от него размещались кирпичные заводы, а с запада — П-образные в плане конюшни. Вся же жилая часть этого вновь формирувавшегося казенного заводского поселения была полностью изолирована от производственных корпусов и напрямую связа-

на с комплексом гидротехнических сооружений. Ее весьма оригинальная объемно-пространственная структура была определена впечатляющим по своей живописности рукотворным ландшафтом с активным взаимодействием целого ряда пейзажных элементов: изогнутого речного русла, необычайно эффектного по своему асимметричному абрису пруда с островком и, соответственно, огромного Запасного пруда, также дополненного островком. Примечательно и то, что помимо главной дороги вся эта обширная пейзажная часть дополнялась весьма подвижной асимметричной дорожной сетью, что еще более усиливало многоаспектное по общему замыслу ее перспективное живописное восприятие по ходу самого движения. Скорее всего, ее формирование на крайне невыразительном пространстве уплощенной донецкой степи, помимо самого Гаскойна, следует напрямую связывать с упомянутым английским садовником Петром Низбетом.

Показательно, что укоренившиеся в Британии структурные особенности пейзажного садоводства как раз на русской почве проявили себя и при формировании крупных производственных комплексов с их жилой застройкой. Этот в действительности уникальный для всей Европы в целом планировочный замысел наглядно подтверждает по сути неограниченные возможности использования Гаскойном явно дешевого или же бесплатного крепостного труда, способного обеспечить реализацию даже такого невероятно затратного замысла.

Вновь сформированная структура жилой застройки комплекса основывалась на линейном расположении одноэтажных домов вдоль фактически трех протяжённых с востока на запад прямолинейно проложенных улиц. Причем в самом их расположении и величине

сразу угадывается общественный статус проживавшего в них работника. Так, максимально приближенная к самой живописной части территории Английская улица была неплотно застроена исключительно просторными каменными домами, где проживали «заводские чиновники», по преимуществу сами же британцы. К находящейся поблизости единственной Торговой площади с востока подступала еще более протяженная улица, уплотненная застройка которой учитывала размещение основного количества рабочего люда. Еще две параллельные улицы этого четко распланированного заводского поселения находились несколько южнее и также включали в себя отведенные для основного рабочего люда вытянутые в линию мелкомасштабные жилые строения. В представленном Павлу I очередном отчете от 25 февраля 1797 г. тайный советник и ведущий специалист по «горному делу» В. Ю. Соймонов подчеркивал следующее: «(...) 1-е. К строению завода означанного канал весь почти вырыт на четырех верстах; построены дома для директора, магазинов и мастеровых; приуготовлены к строению разные вещи; (...) 3-е. Для продовольствия заводских жителей и мастеровых переведенных из липецких и олонецких заводов, а частию пожелавших жить тут, из выехавших из Англии: нужно иметь при самом заводе достаточное количество сенных и прочих угодий. Завод же устроен на земле, принадлежащей воинским жителям села Вергунки... (...)» (Темник 2004: 160). В этой связи примечательно и то, что план зафиксировал на противоположном берегу Лугани весьма обширные участки огородной земли, представленные бесплатно решительно всем заводским чиновникам. Во время состоявшейся в очередной раз в начале XIX в. инспекции были обмерены и вы-

черчены планы и фасады основного массива этих строений, которые составляли ядро первоначальной застройки все того же луганского производственного комплекса. Несомненно, их проектирование Гаскойн осуществлял также в рамках комплексного подхода, изначально учитывая минимальное расходование отпущенных средств на жилищные нужды подавляющего числа заводских работников. Показательно, что при состоявшемся при Павле I общем урезании расходов на возведении «хворостяных казарм» было сэкономлено более всего. Вне зависимости от использования для стен кирпича или попросту плетня с обмазкой глиной, оба этих максимально дешевых типовых образца изначально учитывали невероятную скученность домоладцев, так как каждый был рассчитан на проживание сразу четырех семей.

Генплан производственного комплекса в Луганске зафиксировал и само расположение упомянутой тем же Соймоновым обширной усадьбы Гаскойна, которая располагалась много севернее чиновничьих огородов. Она обозначена под №4 как «Сад с домом бывшего директора завода г. Гаскойна». Несомненно, сам замысел ее устройства также восходит к владельцу и в очередной раз демонстрирует его явную приверженность современной садово-парковой практике Британии. Как фиксирует чертеж, вся усадебная территория с южной, западной и северной сторон окаймлялась проложенной от р. Лугани живописно изогнутой излучиной, которая с двух сторон дополнялась двумя прудами с подчеркнута асимметричным абрисом береговых линий. Основное же усадебное пространство занимал пейзажный парк с обширным лугом. И главный дом, и флигель с оранжереей были выстроены в северо-восточной части усадьбы, в непосредственной близости

от северного пруда. Как уточняется, «Дом всегда был готов к приему хозяина, здесь постоянно находилась прислуга, а парк и оранжерея всегда были ухожены» (Темник 2004: 91).

В результате проведенного исследования в целом удалось прояснить общую картину архитектурной деятельности Ч. Гаскойна в России, а заодно и уточнить датировку созданных им производственных комплексов и собственных усадеб, а также напрямую с ними связанных садово-парковых композиций. Изучение архивных и библиографических источников позволило также прояснить характерные композиционные особенности этих реализованных объектов в тесной зависимости от того или иного региона с определением их первоначальной планировочной и фасадной структуры. Несомненно, это позволяет существенно расширить наши представления о существовании в конце XVIII столетия своеобразного ответвления в отечественном формотворчестве, так или иначе связанном с британской архитектурной практикой тех лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Архив Воронцова* 1884 — Архив Князя Воронцова. М., 1884. Кн. XXX.
- Архив кон. XVIII* — Архив Галереи промышленной истории Петрозаводска. Чертеж Гаскойна: план перестройки Александровского завода с пометками директора на английском языке. Кон. XVIII в.
- Горный журнал* 1855 — Горный журнал на 1854 г. СПб., 1855. Ч. IV. № X.
- Мануф. и горн. изв.* 1843 — Мануфактурные и горнозаводские известия. 1843. № 7.
- ОР РНБ* 1785 — ОР РНБ. Архив Г. Р. Державина. Т. XXI. Петрозаводский уезд. Л. 181–182. 19 июля 1785 г.
- ОР РНБ* 1797 — ОР РНБ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 373. Л. 41–42. 5 января 1797 г.
- ОР РНБ* 1798 — ОР РНБ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 373. Л. 35–36 об. 1798 г.
- Памятная книжка* 1866 (1) — Памятная книжка Олонецкой губернии... на 1860 г. Петрозаводск, 1866. План Александровского пушечного завода. 2-я треть XIX в.
- Памятная книжка* 1866 (2) — Памятная книжка Олонецкой губернии... на 1860 г. Петрозаводск, 1866. План, разрез и фасад заводского корпуса. Нач. XIX в.
- ПСЗ* 1848 — Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXIV. СПб., 1848.
- ПСЗ* 1849 — Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXIII. СПб., 1849.
- РГАДА* 1787 — РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 648. Л. 373–373 об. 1787 г.
- РГИА* 1797 — РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 2227. Л. 102. 1797 г.
- РГИА* 1799 — РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 1804. Л. 4. 1799 г.
- РГАВМФ* 1808 — РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2666. Л. 6–7. 1808 г.
- РГИА* нач. XIX — РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 48. Нач. XIX в. «План Луганского литейного завода».
- ЦГИА СПб.* 1798 — ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 168. Д. 319. Л. 27. «Атлас С. Петербурга. План Адмиралтейской части 1-го квартала». 1798 г.
- Бурим* 2001 — Бурим Л. Д. Чарльз Гаскойн — директор Ижорских заводов // История Петербурга. 2001. № 4. С. 39–44.
- Бутенев* 1843 — Бутенев К. Ф. К. К. Гаскойн // Олонецкие губернские ведомости. 1843. № 13.
- Волохова* 2005 — Волохова В. В. Британская община в Петрозаводске при Екатерине II // Русский Север и Север Европы в XVIII–XX вв.: проблемы изучения истории регионов и межрегиональных отношений. Архангельск: КИРА, 2005. С. 110–119.
- Герман* 1803 — Герман И. Описание Петрозаводского и Кончезерского заводов, и производимого при оных литья пушек и снарядов. СПб.: Типография Шнора, 1803.
- Ициксон* 2003 — Ициксон Е. Дом горного начальника — свидетель истории // Лицей. 2003. № 5. С. 14.
- Карма* 2007 — Карма Ю. Петрозаводск трех веков. Становление структуры города на фоне его планирования // Краевед:

- сборник статей. Петрозаводск: Verso, 2007. С. 32–57.
- Кросс 2005 — Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII в. Авторизованный пер. с англ. Ю. и Н. Беспятых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.
- Мительман 1941 — Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода. 1789–1917. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941.
- Огородников 1899 — Огородников С. Ф. Типография Морского министерства. (Исторический очерк). СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1899.
- Пашков 2006 — Пашков А. М. Британские специалисты на Олонецких горных заводах в конце XVIII — начале XIX в. // Экономическая история. Обзорение. 2006. Вып. 12. С. 138–141.
- Темник 2004 — Темник Ю. А. Столетнее горное гнездо. Луганский завод (1785–1797). Т. 1. Луганск: Шико, 2004.
- Ушакова 1999 — Ушакова В. М. Шотландские письма Ч. Гаскойна адмиралу С. К. Грейгу. 1777–1786 гг. // Россия–Англия. Страница диалога: каталог выставки V Царскосельской научной конференции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1999. С. 107–110.
- Черкасова 2014 — Черкасова Е. Этапы формирования историко-культурного потенциала исторических городов Луганской области // Досвід та перспективи розвитку міст України. 2014. Вып. 27. С. 137–150.
- Шишанова 2004 — Шишанов В. А. К истории создания Банковского монетного двора // Хранитель Эрмитажа: Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И. Г. Спасского. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2004. С. 221–228.
- Campbell 1715 — Campbell C. Vitruvius britannicus, or, The British architect: containing the plans, elevations, and sections of the regular buildings, both publick and private, in Great Britain, with variety of new designs... London, 1715–1717. Vol. I–II. The works in architecture of Robert and James Adam. L., 1778.
- Colvin 1978 — Colvin H. A biographical dictionary of British architects, 1600–1840. London: J. Murray, 1978.
- REFERENCES
- Burim L. D. Charles Gascoigne — director Izhorskikh zavodov (Charles Gascoigne — Director of Izhorskiye zavody). *Istoriya Peterburga (The history of Peterburg)*. St. Petersburg, no. 4, 2001 (in Russian).
- Butenev K. F. K. K. Gascoigne (K. K. Gascoigne). *Olonetskie gubernskie vedomosti*, no. 13, 1843 (in Russian).
- Volokhova V. V. Britanskaia obshchina v Petrozavodske pri Ekaterine II (*The Russian North and the North of Europe in the 18th–20th centuries: problems of studying the history of regions and interregional relations*). Arkhangel'sk: KIRA Publ., 2005 (in Russian).
- Herman I. *Opisanie Petrozavodskogo i Konchezerskogo zavodov, i proizvodimogo pri onikh litia pushek i snariadov (Description of the Petrozavodsk and Konchezersk factories, and the casting of cannons and shells produced at them)*. St. Petersburg: Shnor's Typography Publ., 1803. (in Russian).
- Icikson E. Dom gornogo nachalnika — svidetel istorii (The house of the mountain chief — a witness of history). *Litsei (Lyceum)*, no. 5, 2003, p. 14 (in Russian).
- Karma Yu. Petrozavodsk triokh vekov. Stanovlenie struktury goroda na fone ego planirovaniia (Petrozavodsk of three centuries. Formation of the city structure against the background of its planning). *Kraeved: sbornik statei (Local historian: collection of articles)*. Petrozavodsk: Verso Publ., 2007, pp. 32–57 (in Russian).
- Cross E. *Britantsi v Peterburge. XVIII v. (Britons in St. Petersburg. XVIII cent.)*, eds. Yu. and N. Bespiatykh. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2005 (in Russian).
- Mitelman M., Glebov B., Ulyansky A. *Istoriia Putilovskogo zavoda (History of the Putilov Plant)*. 1789–1917. Moscow–Leningrad: OGIZ-Gospolotizdat Publ., 1941 (in Russian).
- Ogorodnikov S. F. *Tipografiia Morskogo ministerstva (Istoricheskii ocherk) (Printing House of the Maritime Ministry (Historical essay))*. St. Petersburg, 1899 (in Russian).
- Pashkov A. M. Britanskiye spetsialisty na Olonetskiikh gornikh zavodakh v kontse XVIII — nachale XIX vv. (British specialists at the Olonets mining plants at the end of the

- 18th — beginning of the 19th centuries). *Ekonomicheskaiia istoria (Economic History)*, vol. 12, 2006, pp.138–144 (in Russian).
- Темник Ю. А. *Stoletnee gornoe gnezdo. Luganskii zavod (1785–1797) (Centenary mountain nest. Lugansk plant (1785–1797))*, vol. 1, Lugansk: Shiko Publ., 2004 (in Russian).
- Ushakova V.M. Shotlandskie pisma Ch. Gascoina admiralu S.K. Greigu 1777–1786 gg. (Scottish letters of Charles Gascoigne to Admiral S.K. Greig. 1777–1786). *Rossiiia-Angliia: Katalog vistavki V Tsarskoselskoi nauchnoi konferentsii (Russia-England. Proceedings of the Fifth Tsarskoye Selo Conference)*. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 1999, pp. 107–110 (in Russian).
- Cherkasova E. Etapy formirovaniia istoriko-kulturnogo potentsiala istoricheskikh gorodov Luganskoi oblasti (Stages of formation of the historical and cultural potential of the historical cities of the Luhansk region). *Dosvid ta perspektivi rozvitku mist Ukrainy*, no. 27, 2014, pp. 137–150 (in Russian).
- Shishanov V.A. K istorii sozdaniia Bankovogo monetnogo dvora (To the history of the formation of the banking mint). *Khranitel Ermitazha: sbornik vospominanii i nauchnikh statei k 100-letiiu so dnia rozhdeniia I.G. Spasskogo (The Keeper of the Hermitage: A collection of memoirs and scientific articles to the 100th anniversary of the birth of I.G. Spassky)*. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 2004, pp. 221–228 (in Russian).
- Campbell C. *Vitruvius britannicus, or, The British architect: containing the plans, elevations, and sections of the regular buildings, both publick and private, in Great Britain, with variety of new designs...* London, 1715–1717. Vol. I–II. *The works in architecture of Robert and James Adam*. London, 1778.
- Colvin H. *A biographical dictionary of British Architects, 1600–1840*. London: J. Murray Publ., 1978.